

Леонид Любимов

Карта судьбы

«Автор»

2026

Любимов Л.

Карта судьбы / Л. Любимов — «Автор», 2026

Молодой картограф из Лондона отправляется в экспедицию, где каждый поворот оказывается предначертан судьбой.

© Любимов Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	12
Глава 5	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Карта судьбы

Часть первая

Глава 1

1772 год. Январь. Лондон дышал унынием, разнося его вместе с запахом угля и дёгтя. *Серая взвесь — дитя Темзы и бесчисленных каминов — умело просачивалась сквозь микроскопические щели, насквозь пропитывала благородную шерсть дорогого сукна и, что хуже всего, оседала на душе вселенской тоской.* Филипп Ченис трудился в картографической мастерской Томаса Джеффериса, которая занималась выпуском атласов, складных дорожных карт и крупномасштабных планов городов. Должность картографа была сущим наказанием для него, чьё детство прошло на просторах поместья Ченис в графстве Бедфорд. В Лондоне острый ум выпускника Оксфорда не находил себе достойного применения.

— Сколь тягостно сие однообразие, — пробормотал он, механически вычерчивая третью за сегодняшний день копию карты Шотландии.

Спасение явилось в облике богато одетого господина, который вошёл без доклада в кабинет Филиппа и сразу уселся в кресло спиной к окну:

— Мистер Ченис?

— К вашим услугам, с кем имею честь?

— Меня зовут Алджернон Снид, я агент Ост-Индской компании. Мне рекомендовал вас мистер Джефферис, — начал незнакомец, даже не поздоровавшись. — Я предлагаю вам на нашем корабле отправиться из Лондона в порт Кантон. Потом в сопровождении опытного проводника пересечь Китай с востока на запад, далее пройти через перевалы Тянь-Шаня в Центральную Азию и Персию.

Он сделал паузу, заметив, как Филипп подался вперёд.

— Нам нужны подробные карты и описание этого маршрута. После завершения задания вы пересечете Каспий, от Астрахани по Волге дойдёте до Москвы. Там на Английском торговом дворе [2] организуют отправку в Петербург, а оттуда соотечественники посадят вас на корабль и доставят домой в Лондон. — Он изучающе посмотрел на молодого человека. — Каково будет ваше решение, мистер Ченис? Мне известно, что вы мечтаете пройти по старому Шёлковому пути.

Филипп уже видел в окне за спиной мистера Снида как в серой пелене проступают очертания далёких горизонтов.

— Но почему я? — решился спросить он, стараясь скрыть волнение. — В Лондоне есть картографы с именем.

Снид откинулся в кресле.

— Нам нужны именно вы. Мистер Джефферис рассказал, что одну книгу вы знаете почти наизусть.

Он поднялся, взял с поверхности рабочего стола Филиппа потрёпанный томик и прочитал вслух:

— «Путешествия через Россию в разные азиатские земли» — Джон Белл, 1763 год. Я прав?

Филипп почувствовал, как краска заливает щёки. Благодаря этим путевым заметкам он вместе с шотландским врачом трижды пересек Россию, торговал с персидским шахом, пил чай с китайским императором и едва не лишился головы.

— Мистер Джефферис сказал, что вы изучили маршрут Белла от Петербурга до Пекина и обратно не хуже, чем сам автор. — Снид положил книгу обратно на стол. — Кроме того, он сообщил мне, что у вас редкий дар: феноменальная память и, кроме родного языка, вы знаете латынь, древнегреческий, французский и фарси. Так что таким уникальным набором необходимых знаний обладаете только вы, мистер Ченис.

Филипп посмотрел на ненавистные карты Шотландии, на затянутое туманом окно — и вдруг осознал, что это судьба.

— Когда отправляться?

— В конце марта, — ответил Снид. — У вас будет достаточно времени, дабы перечесать Белла.

— А почему именно конец марта? Я могу поехать раньше? — спросил Филипп. Он явно готов был сесть на корабль хоть сейчас, прямо в этой накрахмаленной рубашке.

Снид одобрительно кивнул — такой пыл ему явно был по душе.

— Если выйти из Лондона в январе или феврале, то у мыса Доброй Надежды вы окажетесь в разгар южной зимы. Штормы там такие, что корабельные мачты ломаются, как спички. Если выйдете в апреле — опоздаете на летний муссон. Ветер в Индийском океане дует строго по расписанию. С июня по август — попутный, западный. Он понесёт корабль к Яве и дальше, к Китаю, в темпе джиги [4]. А если опоздать, то муссон поменяет направление, и придётся ждать следующего сезона. Это не прогулка, Ченис. Здесь всё зависит от ветров и течений. Начнёшь раньше — застрянешь у мыса; позже — просидишь в порту до следующего года. Так что приводите дела в порядок и в марте попрощаетесь с лондонским туманом.

Филипп кивнул.

— Тогда для обсуждения деталей и подписания контракта жду вас завтра после обеда в Ист-Индия-хаусе. Мой офис на втором этаже. До встречи.

И они пожали друг другу руки.

Накануне отъезда Филипп отправился в особняк бабушки в аристократическом квартале Мейфэр. Вдовствующая герцогиня Кемберлендская приняла его в гостиной, обставленной с нарочитой простотой, какую могут позволить себе только самые родовитые семьи.

Филипп выложил перед ней почти всё, что скопил за годы службы у Джеффериса, — наличные и ценные бумаги, аккуратно перевязанные бечёвкой.

— Это что ещё такое? — подняла она тонкую седую бровь, с подозрением разглядывая свёрток. — Ты решил уйти в монастырь или собрался купить себе титул?

— Нет, бабушка. Я должен пройти по старому Шёлковому пути и составить карты маршрута. Так что пусть это полежит у вас. — Филипп улыбнулся. — Я не хочу возить всё золото с собой.

Герцогиня фыркнула, но деньги приняла и собственноручно заперла в секретер красного дерева.

— Пустая затея, — проворчала она, не оборачиваясь. — Сидел бы в Лондоне, присмотрел бы себе невесту из приличной семьи с приданым. А ты тащишься к чёрту на рога, в земли, где люди едят тараканов и собак.

— Картография — это наука, — мягко напомнил внук, подходя ближе.

— Помню, что ты говорил, — герцогиня подняла на него глаза. — Ты главное вернись за этими деньгами. А то помру, и твои гиней отойдут в сиротский приют.

Перед отплытием в офисе Ост-Индской компании на путевые расходы картографу вручили кошель, туго набитый золотыми гинейми. По возвращении предстояло предоставить

финансовый отчёт. Сам же внушительный гонорар был обещан, когда готовые карты лягут на стол директоров компании. Следуя совету бабушки — прятать ценное при себе и не доверяться матросам — Филипп зашил монеты под подкладку кожаного пояса. Молодой картограф прекрасно понимал: потерять это золото означало не просто провалить экспедицию, а навсегда остаться должником компании.

[1] Британская Ост-Индская компания (основана в 1600 году) была не только торговой корпорацией, а фактическим инструментом британской колониальной политики. К 1770-м годам она уже контролировала огромные территории, имела собственную армию и флот, чеканила собственную монету.

[2] **Английский торговый двор в Москве** — «Старый Английский двор» на Варварке — старейшее в Москве официальное представительство иностранной державы. В 1556 году царь Иван Грозный, заинтересованный в развитии торговли с Европой, пожаловал английским купцам белокаменные палаты для беспошлинной торговли. Это событие стало результатом создания в Лондоне в 1555 году Московской торговой компании. Двор оставался важнейшим центром британского присутствия в России вплоть до XIX века.

[3] Джон Белл (1691–1780) — шотландский врач и путешественник, состоявший на русской службе. В 1719–1722 годах совершил путешествие из Петербурга через Сибирь в Китай в составе русского посольства. Его книга «Путешествия через Россию в разные азиатские земли» (1763) стала одним из самых авторитетных описаний Шёлкового пути в Европе.

[4] Джига — быстрый, зажигательный танец, популярный среди моряков. Отличается стремительными движениями ног и ритмичными притопами. Моряки часто сравнивали с ней ход корабля при попутном муссоне.

Глава 2

На следующий день после отправления судно зашло во французский Гавр, чтобы выгрузить необработанную шерсть и принять товары для Китая: рулоны тонкого шерстяного сукна, шкурки горностая и чёрно-бурой лисицы. На борт поднялся маленький худой человек восточной внешности. Ост-Индская компания наняла его специально для этой экспедиции. Ли Цзы принадлежал к редкому сословию китайцев-христиан, крещённых французскими миссионерами-иезуитами [5]. Говорил он на ломаном, но сносном французском, а главное — знал Великий Шёлковый путь не по книгам, а пройдя его дважды с караванами своего дяди-торговца.

Филипп и Ли Цзы часами сидели за шатким столом, пока корабль мерно покачивался на волнах. Проводник учил картографа китайскому, выводя кистью иероглифы на дешёвой рисовой бумаге. Он заставлял Филиппа повторять их десятки раз.

— Слушай ухом, говори горлом, — терпеливо повторял Ли Цзы, когда англичанин в сотый раз ошибался с тональностью. — В нашем языке слово без тона — что птица без крыла.

Картограф, привыкший к точности математических формул, поначалу отчаянно злился на неувовимость китайской речи. Одни и те же звуки могли означать что угодно — в зависимости от того, повышал ты голос или понижал.

Кроме разговорной науки, Ли Цзы взялся обучать Филиппа искусству еды с помощью двух деревянных палочек.

— Белл писал об этом, — простонал Филипп, когда кусочек рыбы в очередной раз выскользнул и шлёпнулся обратно в миску, обрызгав его камзол.

К октябрю, когда корабль вошёл в дельту Жемчужной реки и на горизонте показались очертания Кантона, Филипп знал около сотни иероглифов, мог спросить дорогу, назвать цену и есть палочками даже суп.

В порту запах опиума причудливо смешивался с вонью гниющих фруктов. Филиппа и Ли Цзы встретил мистер Чан — компрадор [6] Ост-Индской компании.

— А, дорогой Фил! — приветствовал он его на хорошем английском, с сильным китайским акцентом.

Филипп мгновенно соорудил на лице пренебрежительную мину. Он решил сразу поставить на место этого нахала-туземца. К отпрыску аристократического рода не пристало обращаться как к простому торговцу. В семье была тайна: прадед Филиппа являлся незаконнорождённым сыном герцога Бедфорда Рассела. Они с прабабушкой поселились в поместье Ченис, давшем фамилию роду. Поэтому картограф болезненно относился к вопросам этикета и собственного достоинства.

Чан, однако, был опытным торговцем.

— О, простите великодушно, мистер Ченис! — тут же поправился он с лёгким поклоном. — Я прекрасно знаком с вашим этикетом, но позвольте заметить: вы теперь в Китае. Здесь всё

иначе. И чем короче и проще имя человека, тем легче ему здесь жить и вести дела. Китайцы запоминают не слова, а тоны. «Мис-тер Че-нис» для них — бессмысленный набор звуков, который вылетит из головы, как только они отвернутся. А «Фил» — это коротко, цепко, почти по-китайски. Вам поручено добраться до Пекина, а затем и за Великую стену. Этикет будет только мешать в пути. Имя, которое легко выговорить и запомнить, откроет больше домов, готовых приютить и накормить. Поверьте слову старого компрадора.

Филипп не был склонен долго обижаться, тем более что объяснение оказалось настолько логичным, что не принять его было бы глупо.

Главной заботой Чана была безопасность экспедиции. Европейцы не могли свободно перемещаться по территории Китая — это вызвало бы подозрения и неминуемые проблемы.

— Вы будете выдавать себя за торговцев. Ты, Ли Цзы, купец средней руки. А вы, мистер Ченис, — его немой приказчик. Чан изложил легенду.

— Что?! — возмутился Филипп, но компрадор жестом остановил его.

— Иного выхода нет. По акценту и произношению вас примут за лазутчика и схватят. Тогда ни Ост-Индская компания, ни вся Британская империя вам не помогут.

— Переговоры — с купцами, хозяевами постоялых дворов и проводниками — должен вести Ли Цзы. А вы будете стоять рядом с лошадьми и молчать. Можете делать вид, что считаете тюки с поклажей или подтягиваете ремни.

Проводник, сидевший в углу, согласно кивнул.

— Ли Цзы сказал, что вы понимаете, о чём спрашивают. Это очень хорошо. Вам надо просто отвечать жестами или кивком головы — и все проблемы решены.

Филипп опять был вынужден согласиться с железной логикой Чана.

Для путешествия требовался транспорт, и Филипп с Ли Цзы потратили несколько дней, обходя кантонские рынки в поисках лучшего товара.

Самым ценным приобретением стала глухая лошадь. Ей закрывали глаза специальными кожаными шорами и ставили впереди каравана. Час за часом она шла с одинаковой скоростью, отмеряя мили с поразительной точностью.

Шесть коренастых, выносливых коротконогих монгольских лошадей предназначались для провианта и снаряжения. Для Фила купили лошадь покрупнее, чтобы его ноги не волочились по земле. Эта южно-китайская порода, в отличие от своих приземистых сородичей, обладала гордым нравом и смотрела на монгольских лошадок с тем же выражением, с каким сам Филипп смотрел на мистера Чана при первой встрече.

Рулоны сукна, шкурки горностая и чёрно-бурой лисицы были бережно упакованы в холстину, чтобы защитить от солнца и сырости. Этот товар высоко ценился китайской знатью. Упакованные тюки прикрепили к вьючным сёдлам. Осталось только сложить и погрузить приборы. Секстант [7] и теодолит [8] лежали в ящике, обитом изнутри войлоком.

А компас Филипп собирался носить на шее, чтобы тот всегда был под рукой. Он очень дорожил этим латунным прибором с откидной крышкой, похожим на большие карманные часы.

Глава 3

Филипп и Ли Цзы присоединились к торговому каравану, следующему в Пекин. За дополнительную плату условились, что глухая лошадь будет идти впереди. Главному караванщику объяснили, что это особая лошадь, приносящая счастье. Караванщик знал, что счастье приносят деньги, и согласился.

Наши герои быстро втянулись в дорожный ритм: подъём затемно, томительные часы в седле, короткие привалы, ночёвки на постоялых дворах. Филипп исправно играл свою роль – ехал впереди каравана рядом с глухой лошадей, засекал время по карманному хронометру и, зная скорость, легко вычислял пройденные мили. Он делал пометки в журнале, предупредительно убирая его при приближении посторонних. Уже на второй день караванщики, которые в основном видели только его спину, перестали обращать внимание на немного долговязого приказчика. Когда караван останавливался в городах на несколько дней – чтобы что-то продать, купить или обменять, – Филипп забирался на ближайшую возвышенность, делал измерения и составлял абрис [9] будущей карты.

В Учане – огромном городе, раскинувшемся на слиянии рек, с лабиринтом каналов, бесчисленными мостами и пагодами – Филипп решил сначала осмотреть город и без приборов отправился на разведку. Он шёл, внимательно изучая местность, зарисовывая изгибы каналов, и обратил внимание, что на некоторых мостах с двух сторон стояли статуи львов, а у каждого под лапой находился шар.

Картограф засмотрелся на скульптуры и не заметил, что вокруг начали собираться люди. Толпа росла. Вскоре сотни любопытных глаз смотрели на странного великана так, будто он прилетел с луны. Филипп чувствовал себя полным глупцом и уже готов был нарушить обет молчания, когда небо сжалось над ним, разразившись сильным дождём. Вся толпа единым порывом рванула вверх, на холм, увлекая и его за собой.

Там возвышалась статуя толстого и невероятно довольного жизнью монаха Буддая с огромным мешком за плечами. Местные жители под потоками воды падали ниц прямо в лужи и что-то восторженно выкрикивали. Когда Филипп вернулся на постоялый двор, Ли Цзы объяснил, что в Учане существует поверье: если в дождь бежать к статуе Буддая и искренне просить у него процветания, он обязательно пошлёт удачу в делах.

– Я видел скульптуры львов, почему у них под лапами шары? – спросил англичанин.

– Их ставят на мостах, у входов в храмы и дворцы. Здесь есть два смысла. Первый: лев — это страж. Если заснёт на посту, шар покатится и он проснется. Второй и главный смысл: шар – это мир, а лев – мудрый правитель. Он должен управлять легко, словно играя. Сожмёт слишком сильно – мир разобьётся. Выпустит из лапы – шар укатится, и государь утратит своё могущество. Китайские львы напоминают, что правление – это искусство игры.

Филипп невольно вспомнил львов в Лондонском Тауэре. Британские львы, подумал он, смотрят на мир с такой суровой решимостью, будто собираются немедленно растерзать любого, кто усомнится в величии империи.

Глава 4

В начале января 1773 года караван дошёл до Пекина – конечной точки маршрута. Филипп и Ли Цзы остановились на постоялом дворе. Они оптом продали английские товары и занялись картографией: поднимались на ближайшие холмы, где Филипп устанавливал теодолит и набрасывал квартал за кварталом Запретного города.

Через две недели все районы были занесены в журнал, и теперь нужно было составить общий план местности. Для этого следовало подняться повыше. Они купили шёлк и чай, попрощались с хозяином постоялого двора, и к полудню маленький караван дошёл до горы. Поднявшись на нужную высоту, картограф установил теодолит и припал к окуляру.

Перед ним, как на ладони, раскинулся Пекин. Золотистые крыши Запретного города ярко сияли в холодном январском солнце. На мгновение у Филиппа перехватило дыхание: он был первым англичанином, стоявшим здесь ради того, чтобы составить точную карту столицы Поднебесной. Он так увлёкся, что не заметил, как солнце стало клониться к закату. Ли Цзы оторвал его от любимой работы:

– Завтра продолжишь. Теперь надо спуститься к реке и устроиться на ночлег.

Филипп ещё раз взглянул на Пекин, убрал теодолит, и они тронулись вниз.

Лошади подошли к реке и начали жадно пить. Всадники спешили и тоже утолили жажду. Филипп засмотрелся на то, как розовое солнце играет в прозрачной воде, наступил на мокрый камень, поскользнулся и шлёпнулся в реку. Когда он вылез на берег, то почувствовал, как намокший кожаный пояс с гинейями больно врезался в талию. Под ним всё саднило.

Злой от боли и холода, он стащил мокрую одежду, содрал пояс, с яростью скатал его в шар и сунул всё это в дорожный мешок. Когда он переоделся, путешественники сели на лошадей и поехали вдоль берега, выбирая место для стоянки.

Вдруг на Филиппа набросили лассо и выдернули из седла. Из-за куста вальяжно вышли четыре разбойника. Картограф, стянутый верёвкой, лежал на земле. Ли Цзы слез с лошади и остался стоять на месте с поднятыми руками. Лицо его при этом выражало такую глубокую задумчивость, будто он решал сложное математическое уравнение. Англичанин, помня наказ Чана, не проронил ни звука.

Разбойники грубо обыскали их. Главарь оглядел добычу с недоумением: горсть мелких монет, ящики с приборами, журналы и блокноты с непонятными каракулями. Зато блестящий латунный компас он снял с Филиппа и с довольным видом надел себе на шею.

– Хорошие часы, – сказал он, любуясь блеском.

Потом грабители сбросили на землю ящики с приборами и дорожный мешок с мокрой одеждой. Причём мешок главарь презрительно пнул ногой.

Один из разбойников сел на глухую лошадь, но, сколько ни бил её ногами, она не стронулась с места, а потом и вовсе легла на землю, придавив животом ногу своему мучителю. Тогда он оставил её в покое и, прихрамывая, побежал за остальными грабителями, которые не спеша уводили лошадей с товаром.

Путешественники остались вдвоём. Ветер гулял между скал. Глухая лошадь неторопливо поднялась на ноги. Ли Цзы погладил её по морде.

А Филипп достал из мешка пояс с гинейями, невысоко подкинул его и поймал, как мяч.

– Ли Цзы, – сказал он, – кажется, я начинаю верить в провидение. По-моему, пояс стал похож на шар, с которым играет лев.

Ли Цзы изобразил подобие улыбки.

– Главное, что он цел. Останемся под этим кустом на ночлег. А завтра я пойду в город и куплю новых лошадей.

Филипп согласно кивнул. Они разожгли костёр и стали готовиться к ночлегу под открытым небом, когда послышался неторопливый топот множества копыт.

– Опять разбойники, – простонал Филипп.

Из-за поворота показался отряд всадников в высоких меховых шапках с саблями на поясах. И что самое поразительное – через спины их монгольских лошадей вместе с товаром были перекинута связанные злодеи, которые всего час назад ограбили наших героев. Всадники переговаривались между собой на странном, тягучем языке.

Один из них, видимо старший, спешился и обратился к Филу и Ли Цзы по-китайски:

– Эти люди, – он ткнул пальцем в пленников, – сказали, что это ваши лошади и вот эта штука тоже. – Он вынул из кармана компас Фила. – Откуда она у вас?

Ли Цзы открыл было рот, но офицер уже перевёл взгляд на ящики под кустом. Он откинул крышку, и его лицо осветилось неподдельным любопытством. Затем он посмотрел на картографа и вдруг спросил – по-французски:

– Простите, сударь, я вижу, вы европеец. Что вы делаете в этих горах с такими приборами? И куда, позвольте спросить, направляетесь?

Филипп опешил. Весь маскарад, который они так тщательно выстраивали с Чаном, рухнул в одну секунду. Но страха почему-то не было: он не чувствовал от этих людей никакой угрозы. И даже обрадовался возможности поговорить по-французски.

– Я картограф, – ответил он, поднимаясь на ноги. – Филипп Ченис, к вашим услугам. А это мой проводник, Ли Цзы. Мы держим путь в Персию, потом в Россию, а оттуда – в Англию.

Офицер понимающе кивнул и представился:

– Есаул Семён Дружинин. Интересная у вас прогулка получается, господин картограф. Придётся вам проехать с нами.

Когда вся процессия тронулась в путь, Филипп спросил у есаула:

– Вы служите китайскому императору?

– Именно так, – кивнул Дружинин. – Албазинцы [10] мы. Казаки. Ещё при царе Алексее Михайловиче наши деды попали в плен к китайцам, да так здесь и остались. Император Канси, мудрый был правитель, решил сформировать казачий гвардейский корпус. Мы несколько месяцев гоняемся за этой шайкой: они торговцев грабили. Сегодня вот наконец поймали благодаря вам.

– Удивительно, – сказал Фил, – здесь, в центре Китая, встретить человека, знающего французский язык.

– Ничего удивительного, – отозвался есаул. – В России все образованные люди говорят по-французски. А мы, хоть и живём здесь, с родины получаем разные книги: от научных трудов до бульварных романов, тексты песен и даже ноты музыкальных произведений.

[10] Албазинцы — потомки русских казаков, основавших в 1665 году Албазинский острог на Амуре. После осады и захвата крепости цинскими войсками в 1685 году часть казаков была уведена в Китай. Император Канси сформировал из них элитный корпус для охраны столицы и приграничных территорий.

Глава 5

Только под утро отряд добрался до русской миссии. Территория была обнесена высокой глинобитной стеной. Китайские пагоды соседствовали с бревенчатыми строениями. Дружинин приказал отвести разбойников в амбар и провёл Филиппа и Ли Цзы в свою избу, внутреннее убранство которой представляло собой причудливую смесь азиатского минимализма и русского уюта. На циновках лежали овчинные тулупы, в углу висела икона Николы Чудотворца, рядом с ней — китайский свиток с драконом, а на столе, покрытом домотканой скатертью, красовался начищенный до блеска самовар.

— Самовар! — воскликнул Филипп с неожиданной радостью. — А я думал, это миф!

— Какой же миф? — обиделся есаул. — Это очень полезная вещь. Без чая пропадёшь. Вот выпьем с дороги, и можно ложиться спать.

Проснулся Филипп поздно — Дружинин и Ли Цзы уже позавтракали и пили чай.

— Доброе утро, мистер Ченис! Как спали?! Садитесь, перекусите, чем бог послал, потом в баньку ходим, а уж после начнём разговоры разговаривать.

Через час он привёл картографа и проводника в низкий деревянный дом и велел раздеться донага. Затем завёл в тёмное помещение с одним маленьким окном. Воздух был горяч и влажен, пахло дёгтем. Два обнажённых казака с красной от жара кожей встретили гостей радостными криками. Дружинин перевёл:

— Они говорят: «Ну, держитесь!»

Англичанина уложили на деревянную скамью, и есаул принялся обрабатывать его спину дубовым веником. Филипп, не понимая, что происходит, решил, что началась пытка. Он стиснул зубы, зажмурился и твёрдо решил не проронить ни звука и не выдавать никаких секретов. Пусть эти варвары делают с ним что угодно — он умрёт, но не сдастся!

— Баня парит, баня правит, баня всё исправит! [11] — приговаривал Дружинин, хлестая англичанина. — Кровь разгоняет, хворь выгоняет!

Филипп молчал, вцепившись в скамью. «Я ничего не скажу, — думал он. — Ни слова о картах, ни слова о Лондоне, ни слова о гинеех».

— А ну-ка, вставай! — скомандовал Дружинин.

Когда картограф поднялся, другой казак окатил его ледяной водой. Филипп взвизгнул. Только тут до него дошло, что это не пытка, а какой-то варварский ритуал. Боль от веника сменилась приятным покалыванием во всём теле, а вода принесла ощущение лёгкости и чистоты.

Казаки взяли за Ли Цзы и так же окатили его ведром ледяной воды — китаец часто заморгал, но не издал ни звука.

После бани, распаренные и слегка ошалевшие, Филипп и Ли Цзы предстали перед атаманом.

Атаман Иван Тарасович Воронов был мужчиной могучего телосложения, с окладистой бородой. Он сидел в кресле, покрытом тигровой шкурой, и по-медвежьки хмурился на вошедших. Увидев Филиппа, он несколько секунд рассматривал его молча, потом заговорил на правильном французском с устаревшими оборотами, выдававшими, что он изучал язык по фортификационным трактатам прошлого века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.